

Научная статья

УДК 821.161.1-31Астафьев.081

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-70-83

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПОВЕСТИ «ЗВЕЗДОПАД» В. П. АСТАФЬЕВА

Герасименко Наталья Аркадьевна¹,
Шаповалова Татьяна Егоровна²

^{1, 2} Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

¹ natalyger11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4748-1388>

² tshapovalova@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется использование двусоставных и односоставных неглагольных предложений в повести В. П. Астафьева «Звездопад» для вовлечения читателя в художественный мир повествования и достижения достоверности, реалистичности описываемых событий и переживаний персонажа. Актуальность определяется важностью исследования функций неглагольных предложений в художественном тексте и высокой воспитательной значимостью повести В. П. Астафьева «Звездопад». Статья направлена на выявление синтаксических функций неглагольных предложений, отражающих художественный замысел автора.

Ведущий подход к исследованию основывается на современном структурно-семантическом методе, который позволяет выявить взаимодействие структуры и семантики предложения в выражении интенций автора художественного текста. В статье выявлены основные функции, которые выполняют в повести «Звездопад» неглагольные двусоставные и односоставные предложения: характеризующая, оценочная, рефлексивная. Представленные в статье материалы позволяют использовать их в практике преподавания русского языка в вузе и школе.

Ключевые слова: функции, характеристика, оценка, рефлексия, неглагольные предложения, субстантивно-адъективные, бисубстантивные, связочно-именные безличные, номинативные, генитивные.

Для цитирования: Герасименко, Н. А., Шаповалова, Т. Е. (2025). Функционирование неглагольных предложений в повести «Звездопад» В. П. Астафьева. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(60), 70–83. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-70-83>

Original article

UDC 821.161.1-31Астафьев.081

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-460-70-83

FUNCTIONING OF NON-VERBAL SENTENCES
IN V. P. ASTAFIEV'S NOVEL «STARFALL»Natalia A. Gerasimenko¹,Tatiana E. Shapovalova²^{1, 2} Federal State University of Education,
Moscow, Russia,¹ natalyger11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4748-1388>² tshapovalova@gmail.com

Abstract. The article analyzes the use of two-member and one-member non-verbal sentences in V. P. Astafiev's novel «Starfall» to involve the reader in the artistic world of narration and achieve authenticity, realism of the described events and the character's experiences. Relevance is determined by the importance of researching the functions of non-verbal sentences in the artistic text and the high educational value of V. P. Astafiev's novel «Starfall». The article is aimed at identifying the syntactic functions of non-verbal sentences reflecting the author's artistic idea.

The leading approach to research is based on the modern structural-semantic method which allows you to identify the interaction of the structure and semantics of the sentence in the expression of the author's intentions of the artistic text. The article identifies the main functions performed in the novel «Starfall» by non-verbal two-member and one-member sentences: characterizing, evaluative, reflective. The materials presented in the article make it possible to use them in the practice of teaching the Russian language at a university and school.

Keywords: functions, characterization, evaluation, reflection, non-verbal sentences, substantive-adjective, bisubstantial, copula-nominal impersonal, nominative, genitive.

For citation: Gerasimenko, N. A., & Shapovalova, T. E. (2025). Functioning of non-verbal sentences in V. P. Astafiev's novel «Starfall». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(60), 70–83. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-460-70-83>

Введение

Юбилей русского писателя Виктора Петровича Астафьева, родившегося 1 мая 1924 года, привлек к нему внимание читателей, побудил обратиться к его произведениям не только филологов, но и многих людей, любящих свою родину, знающих ее историю, понимающих ценность своих корней. Уникальность творчества писателя заключается в правде жизни, отраженной в художественных текстах. Высокие идеалы, характерные для людей времени «лейтенантской прозы», перекликаются с простыми земными истинами; трагизм выпавшего на долю поколения Астафьева времени

сочетается в его творчестве с блестящим юмором. Лингвиста всегда интересует, как именно, за счет чего рождается в художественном произведении та воздействующая сила, которая позволяет проникнуть в самую суть произведения, заставляет сопереживать его персонажам и в итоге дает возможность читателю стать чище, лучше.

Актуальность исследования определяется возросшим интересом современного российского общества к вопросам воспитания чувства патриотизма, объединения людей на основе любви к Родине. В этом смысле художественные произведения В. П. Астафьева предоставляют важный материал. Повесть «Звездопад» (Астафьев, 1975), в которой описываются события в жизни совсем юного, но уже побывавшего на фронте и раненного в бою солдата, как нельзя больше коррелирует с современными событиями в зоне специальной военной операции. Боевой опыт уже отразился на формировании юной личности, но молодость еще только наступает, опыт обычной взрослой жизни не пришел и приобретает в необычных условиях — в госпитале.

Изучение роли неглагольных предложений в повести «Звездопад» позволяет выявить, каким образом в тексте реализуется авторский замысел, какими языковыми средствами передается отношение писателя к персонажам, что способствует адекватному пониманию художественного текста.

Цель исследования — выявить функции неглагольных двусоставных и односоставных предложений в повести В. П. Астафьева «Звездопад» при реализации авторского замысла. Для достижения цели исследование проводилось в рамках современного структурно-семантического метода, позволяющего через анализ формального устройства и семантики неглагольных предложений выявить их функциональные возможности, способность отразить те или иные интенции автора.

Результаты исследования

В результате изучения использования В. П. Астафьевым неглагольных предложений установлено, что данные виды предложений функционируют в повести как узуальные, обычные для русского языка, но наполняются писателем богатыми смыслами, заключенными в тщательно отобранной лексике и фразеологии, включенной в синтаксическую структуру. По утверждению П. А. Леканта, «коннотативные смыслы опираются на синтаксические, формальные показатели. Эта область синтаксиса представляет <...> второй этаж синтаксических единиц, который строится на базе структурно-семантических свойств предложения и сферой которого является текст как продукт речевой деятельности» (Лекант, 2002, с. 101).

Неглагольные двусоставные предложения используются для описания внешности персонажей, разных видов их физического и психологического

состояния, для передачи размышлений, обобщений и выводов, которые делают герои повести, исходя из личного опыта и условий, в которых они оказались. Наиболее частотными из двусоставных неглагольных в произведении являются субстантивно-адъективные и бисубстантивные предложения (Герасименко, 2012), которые приспособлены языком для выражения разного рода характеристик и оценок, т. е. отражают ментальные операции, производимые говорящим (Норман, 2020; Панкрац, 1992). Бисубстантивные предложения в повести используются также для выражения обобщающих высказываний (Geach, 1968). Другие виды неглагольных двусоставных предложений функционируют в тексте повести значительно реже, что соответствует их употребительности в русском языке в целом.

Односоставные неглагольные конструкции в повести «Звездопад» представлены связочно-именными безличными, номинативными и генитивными предложениями, призванными отразить реальный мир, воспроизвести состояние героя, описать и оценить окружающую среду и обстановку, передать экзистенциальную семантику.

Результаты исследования показывают важную роль в художественном тексте предложений, в которых отображается ментальная деятельность персонажа, его оценки, характеристики, размышления, что характерно не только для двусоставных, но и для односоставных неглагольных предложений.

С теоретической точки зрения материалы статьи дополняют и развивают учение о синтаксисе русского языка включением в научный оборот новой системы двусоставных предложений. Выделение в качестве особого вида неглагольных предложений на основании их структурно-семантических характеристик позволяет более полно и подробно систематизировать русское двусоставное предложение. Проведенное исследование уточняет типологию односоставных безличных и субстантивных предложений, разработанных в классических трудах А. А. Шахматова (Шахматов, 2001), П. А. Леканта (Лекант, 1974), других ученых. Возвращение к термину *связочно-именные* (Лекант, 1974) *безличные предложения* позволяет провести четкую границу между сказуемым двусоставного и главным членом односоставного предложения.

С практической точки зрения материалы исследования могут способствовать не только совершенствованию курса синтаксиса русского языка, но и выполнению воспитательных задач в ходе изучения русского языка в школе и в вузе.

Методология исследования

Неглагольные двусоставные предложения требуют комментариев с точки зрения их грамматического статуса. Мы называем неглагольными двусоставные предложения, в которых предикативное ядро включает в себя именной (преимущественно) компонент в качестве основной части составного именного

сказуемого и связку как выразитель предикативных значений не только сказуемого, но и предложения в целом (см.: Герасименко, 2022, 2024). Неглагольные двусоставные предложения разнообразны по форме и выражаемым смыслам, что способствует их систематизации. Можно согласиться с утверждением Г. А. Золотовой о том, что «в структурно-смысловых типах предложений предстает категориальное расчленение языковым сознанием действительности» и «наиболее естественную основу для классификации можно найти в знаменательных частях речи, соединяющих в себе нераздельно форму и категориальное содержание» (Золотова и др., 1998, с. 104). Мы разграничиваем следующие виды неглагольных двусоставных предложений: бисубстантивные (субстантивно-субстантивные), субстантивно-адъективные, субстантивно-прономенативные (субстантивно-местоименные), субстантивно-адвербиальные, инфинитивно-субстантивные и биинфинитивные (инфинитивно-инфинитивные) (Герасименко, 2024, с. 136–146).

Связки, которые имеют в русском языке преимущественно глагольное происхождение, что и позволяет им выполнять функции языкового средства, выражающего предикативные значения, в современном русском языке утратили лексическое значение, свойственное исходному глаголу, они стали грамматическим средством: «Лексическое значение связки грамматизируется, т. е. становится средством выражения отвлеченного грамматического значения» (Лекант, 2017, с. 83).

Инфинитив, который входит в предикативное ядро субстантивно-инфинитивных и биинфинитивных предложений, также нельзя отнести к спрягаемым глаголам, так как он представляет собой грамматическую форму, не связанную с глагольными формоизменительными категориями (наклонение, время, лицо). В предикативном ядре неглагольных предложений инфинитив может занимать независимую позицию подлежащего, называющего потенциальный процесс, который получает ту или иную предикативную характеристику в сказуемом. В составе связочно-инфинитивного сказуемого биинфинитивных предложений форма инфинитива выражает вещественное значение аналитического сказуемого (называет потенциальный процесс) и не участвует в выражении предикативных значений модальности, темпоральности и персональности, т. е. не выполняет глагольных синтаксических функций. Все сказанное позволяет рассматривать названные разновидности двусоставных предложений как неглагольные.

В 70-е и последующие годы XX века, в начале XXI века лингвисты оценили статус односоставных предложений, смогли развить предложенные классиками языковедческой науки теории и создать свою типологию односоставных предложений.

Односоставные неглагольные предложения выделяются в структуре безличных конструкций: в связочно-именных безличных предложениях (Шапалова, 2022, с. 73) главный член представлен аналитически: его лексическая и грамматическая семантика выражаются раздельно. Основной компонент,

представленный словом категории состояния, передает значение независимого предикативного признака, а связка, материально выраженная или нулевая, служит презентации модально-временного значения предложения: «Посреди палаты *было светло*» (Астафьев, 1975, с. 293) (здесь и далее курсив наш, текст повести цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках. — Н. Г., Т. III.); «Мне почему-то *стало приятно*» (с. 293); «В палате *сделалось тихо*» (с. 302); «Так *прилично, не видно* аккуратно завязанной бинтами прорехи, и *теплее*, и вообще *удобно*» (с. 304); «Там *тише, теплей. Удобней там*» (с. 302).

По нашему мнению, не стоит относить к связочно-именным безличным предложениям конструкции типа «О своей любви мне рассказывать не стыдно» (с. 291). Такие предложения мы относим к двусоставным неглагольным предложениям с инфинитивным подлежащим, предикативный признак которого назван в составном именном сказуемом, где связка *быть* имеет нулевую форму, а основной компонент представлен краткой формой качественного прилагательного.

Субстантивные предложения, совмещающие в главном члене — имени существительном в независимой форме именительного или родительного падежа — экзистенциальное и предикативное значения, представлены в повести В. П. Астафьева номинативными (Шаповалова, 2020, с. 48–56) и генитивными конструкциями.

Субстантивные односоставные предложения позволяют пунктирно, с помощью одного главного члена вписать событие в пространственно-временной континуум изображаемой действительности, расставить нужные акценты, эмоционально и экспрессивно оценить явление. В семантической структуре этих предложений диктумные и модусные смыслы соединяются, и читатель повести интеллектуально и эмоционально наблюдает воспроизводимую автором картину.

Результаты исследования

Двусоставные неглагольные предложения

Анализ повести В. П. Астафьева «Звездопад» позволил выявить основные функции двусоставных неглагольных предложений в тексте. В произведении рассказывается о любви девятнадцатилетнего солдата, оказавшегося после тяжелого ранения в госпитале. Рассказ ведется от первого лица — главного героя Миши Ерофеева: «О своей любви мне рассказывать не стыдно. Не потому, что любовь моя была какой-то уж чересчур особенной. *Она была обыкновенная, эта любовь, и в то же время самая необыкновенная* <...>. Один поэт сказал: “Любовь — старая штука, но каждое сердце обновляет ее по-своему”» (с. 291).

Неглагольные предложения участвуют в обозначении главной темы произведения — темы любви. Субстантивно-адъективные предложения отражают рассуждение о новом для персонажа чувстве, оценку этого чувства, которое представляется ему, с одной стороны, обыкновенным, с другой — особенным, необыкновенным. Завершающее рассуждение бисубстантивное предложение является обобщающим высказыванием, актуализирующим главную мысль: «каждое сердце обновляет ее по-своему». Обобщение подчеркивается цитированием. Персонаж присоединяется к словам поэта, разделяет его мысль.

Функция характеристики свойственна неглагольным двусоставным предложениям в целом. Субстантивно-адъективные предложения реализуют ее в тексте при описании персонажем окружающей обстановки: «*Ночь была ясная и звездная*» (с. 343); «*Парадная дверь была широкая, со стеклами, и я замечал Лиду еще во дворе*» (с. 324). Миша Ерофеев воспринимает окружающее через свое чувство любви, ожидание Лиды. Широкая дверь со стеклом позволяет ему увидеть девушку еще на подходе к госпиталю; ясная и звездная ночь подчеркивает радость от свидания. С нежностью описывает Миша волосы Лиды: «*Они были действительно мягкие, невесомые, как пена*» (с. 335). Весь облик девушки вызывает у главного героя чувство нежности: «И так пошла, что вот хоть верьте, хоть нет, я едва не разревелся — такая она была худенькая, усталая, такая жалостная» (с. 311).

Функция характеристики, регулярно реализуемая субстантивно-адъективными предложениями, преимущественно совмещается в повести с оценочной функцией: «*Война во сне очень нелепая*» (с. 294); «*Война страшная, Женя. Не надо об ней шутить*» (с. 354). Рассуждение Миши о войне отражает его эмоциональную оценку, оценку человека, уже понимающего сущность войны, испытавшего ее тяготы на своем опыте.

Тонкость восприятия жизни, сочувственное отношение и доброта проявляются в отношении Миши к людям, с которыми ему выпало жить: «*Оба они счастливые до умопомрачения — недавно из освобожденного Витебска*» (с. 307). Модели бисубстантивных предложений, включающие в предикативное ядро имена прилагательные, формально отличаются от субстантивно-адъективных, но в смысловом отношении очень близки к последним и используются в той же характеризующе-оценочной функции: «*Рюрик, по-моему, человек неистребимый*» (с. 312); «*Девка ты мировая, и не дешевись*» (с. 356). Имя существительное в сказуемом составляет его структурную основу, опорный компонент связочно-субстантивного сказуемого, но содержательно опустошается, акцент характеристики переносится на зависимое прилагательное (*неистребимый, мировая*), что сближает такие бисубстантивные предложения с субстантивно-адъективными.

Одной из главных черт характера Миши Ерофеева является рефлексивность. Он много думает о том, что он собой представляет и как его воспринимают окружающие: «Почему меня все зовут Мишей? Я здоровый, крепкого сложения человек, а Миша? Это, наверно, потому, что я *слабохарактерный*? <...>

Может, я человек хороший, не злой» (с. 354); «Говорят еще, что я веселый и беззаботный парень» (с. 304). Юношеские противоречия постоянно сопровождают эти рассуждения: «Нет, вовсе я не сильный, совсем не сильный, размазня я, слабак» (с. 361); «Я в самом деле, видать, был тогда сильным парнем» (с. 364).

Самохарактеризация главного героя пронизывает все повествование, подчеркивая рефлексивность его характера. Он пропускает через себя, через свои чувства все, что его окружает, и сам иронически и сердито характеризует себя: «И до чего же я чувствительный, оказывается!» (с. 299). «Я сам раненый, я сам почти убитый и потому я знаю, чего от меня ждут» (с. 313). Любовь преображает Мишу, возрождает в нем желание жить и повышает самооценку. «И мне было хорошо оттого, что я стал лучше, и на душе у меня праздник. А в праздник люди всегда выглядят красивыми» (с. 335); «Говорю тебе, таежный человек я» (с. 337); «Но я же героический воин, я же гвардеец, я ж медвежатник, и что мне все эти страдания» (с. 343). Языковыми средствами создания противоречивого восприятия себя главным героем повести являются субстантивно-адъективные и бисубстантивные неглагольные предложения, которые выражают размышления персонажа, его рефлексии. Двусоставные неглагольные предложения предназначены языком для отражения мыслительной деятельности человека. «Если акт познания вершится через связку, устанавливающую отношение между миром вещей и событий и миром человеческих понятий (концептов), то ее предикаты не могут не принадлежать эпистемическому (когнитивному) плану. Они более всего указывают на познавательную ценность суждения, его отношение к действительности и к другим суждениям, степень новизны знания» (Арутюнова, 1999, с. 50). Полярная самооценка свидетельствует о том, что герой находится на распутье в осознании собственного Я. С одной стороны, он уже побывал на войне, ощущал боль и страх, видел смерть; с другой стороны, он еще по-настоящему не знал мирной жизни, не знал любви. Астафьеву удастся вовлечь читателя в ощущения главного героя, вызвать понимание и сочувствие. Рассказ от первого лица молодого солдата Миши Ерофеева отражает восприятие жизни и окружающих его людей с точки зрения наивного, честного, неопытного человека, который, однако, уже имеет трудный опыт боев и ранение.

Окружающие тепло относятся к Мише, понимают его юношескую чувствительность, оберегают его и поддерживают: «Вы уже взрослый, вам уже девятнадцать» (с. 341); «Ты настоящий мужчина и воин! характер твой железный» (с. 346–347); «И до чего же ты сердитый...» (с. 338). И это добросердечное, сочувственное, душевное отношение других персонажей к главному герою передается в тексте неглагольными предложениями.

Структура неглагольных двусоставных предложений не включает в себя действия, предполагает выражение разнообразных отношений, в том числе отражает авторское отношение к персонажу, пронизывающее всю повесть. Автор отделен от своего героя временем: «Но вот годы прошли. Многие годы! И война-то

вспоминается как далекий затяжной сон, в котором действует незнакомый и в то же время до боли близкий мне парнишка» (с. 371). Но в сознании читателя они сливаются в единое целое, и то, что испытывает автор/персонаж, передается читателю: и светлые воспоминания о первой любви, и печаль, с ней связанная, и звездопад, отражающий свет давно погасших звезд.

Односоставные неглагольные предложения

Связочно-именные безличные предложения с помощью главного члена, посредством слов категории состояния, объективно описывают ту обстановку, которая окружает главного героя: «Потом *станет душно*» (с. 292); «Мне тут же *стало жарко*» (с. 295). Слова категории состояния в роли основного компонента главного члена передают субъективно-объективную оценку состояния среды, царящей не только в госпитале, но и в доме Лиды, и на улице: «*Копотно, людно*» (с. 306); «*Студено* тут у вас» (с. 341); «Везде сейчас *студено*: в домах, на улицах, в душах» (с. 341). Это состояние повсеместного холода, озноба невольно распространяется и на человека.

Физическое и психологическое состояние Миши Ерофеева и других героев повести заключено в словах категории состояния: «Без курева *тошно*» (с. 297); «будет и *тяжело*, и *печально*» (с. 360); «мне *душно*» (с. 292); «Мне здесь *хорошо*» (с. 302); «*Хуже будет*» (с. 311); «Коле *щекотно*» (с. 301).

Тяжесть военной жизни, картины невероятно физически и эмоционально трудного пребывания на поле боя рисуются писателем с помощью связочно-именных безличных предложений словами категории состояния в сочетании со специализированной связкой *быть* — нулевой или материально представленной: «Мне *было страшно*. Мне *жутко было*» (с. 363); «*Страшно было*» (с. 362). Становлению состояния способствуют связки *сделалось*, *становилось*, *стало*: «*Скучно мне сделалось* после отъезда Рюрика» (с. 350); «мне *становилось все стыдней и стыдней*» (с. 336); «мне, по всей видимости, *стало хуже*» (с. 296).

Астафьевские герои повести, израненные и обессилевшие, искалеченные, находят повод для веселья, и это передают связочно-именные безличные предложения: «Клизму мне *не надо*» (с. 316); «уж мне порой и *смешно* даже» (с. 300).

В. П. Астафьев показывает воинов, принесших стране и миру великую победу, не сломленными, а находящими отдушину в общении друг с другом, с любимой девушкой и с самим собой: «мне *сделалось сразу легче*» (с. 294); «мне *стало светлее*» (с. 293); «И мне *было хорошо* оттого, что я стал лучше» (с. 335).

Номинативные конструкции, синтаксически не развернутые, нераспространенные, нерасчлененные, используются автором повести для экспрессивного, эмоционального описания госпиталя: «Я окидываю взглядом палату. *Койки, койки, койки*» (с. 313); «*Крик, стон, вой...*» (с. 330); «*Разлука, слезы, горе!*...» (с. 341).

Конкретные имена существительные, ставшие основой синтаксического параллелизма конструкций, передают не только статичную ситуацию, но и бытие невероятного множества предметов. Стилистический прием нанизывания номинативных предложений, главными членами которых являются имена существительные разных лексико-грамматических разрядов, создает многоплановое стереоскопическое видение ситуаций, порожденных войной, актуализирует боль и горе объективной реальности. «Описательность контекста, констатирующий его характер особенно подчеркивается нанизыванием номинативных предложений <...>, дающим возможность объединить разрозненные детали в единое целое» (Валгина, 2003, с. 179). Отвлеченные существительные в роли главных членов создают динамику отдельных качеств и состояний. В результате субъективное описание, лаконично переданное пунктиром, отдельными штрихами, находит отклик в душе читателя, вызывая такие же чувства, какие испытывают персонажи.

Динамичный характер описываемой ситуации сообщают грамматические повторы, попарное соединение главных членов сочинительными союзами: «И что за сторона такая? *Мокрень и мокрень!* — жаловался старшина Антипин, делая передышки. — *Текот и текот, текот и текот!*» (с. 297).

Наличие частиц добавляет таким предложениям наглядности и насыщает их субъективными модальными оттенками завершенности, законченности, подведения итога: «Вот так *штука!*» (с. 311); «Ну вот и *точка!*» (с. 371); «В общем — *концерт!*» (с. 319); «Ох, и *дуреха* же! *Право, дуреха!*» (с. 335).

Для стиля повести характерны распространенные номинативные предложения, рисующие нехитрый интерьер военного времени: «Старый *диван* с зеркалом, бархатная с проплешинами *накидка* на туалетном столике, *шифоньерчик* с точеными ножками, *картина*, писанная маслом, в потускневшей раме» (с. 334) — и расчлененные номинативные предложения, содержащие детерминирующие второстепенные члены:

- с временной семантикой: «После завтрака *обход!*» (с. 300); «Ну а потом *армия, форма* двадцать, суровые *порядки!*» (с. 304); «а сейчас *обход!*» (с. 301); «*Не время* сейчас для сказок» (с. 370); «*Весна* скоро» (с. 332);
- с пространственной семантикой: «кругом *тишина!*» (с. 293); «На картине *арбуз* и *две груши* — скучновато для такой рамы» (с. 334); «В госпитале *возбуждение, суета, сумятица!*» (с. 326); «В коридоре *стук, бряк, волнение!*» (с. 326); «Здесь *пыль, запах* мышей и робкие, полуоблезлые *воробы!*» (с. 365);
- с притяжательным значением: «И у меня *нервы!*» (с. 326); «Зрителям *потеха!*» (с. 307).

Темпоральный, пространственный, субъектный детерминанты в таких предложениях выступают в качестве актуализатора, отражая интенцию автора погрузить читателя в описываемую обстановку. Уточняя время, местоположение бытия предмета, данные компоненты удовлетворяют при этом коммуникативную потребность номинации дейктических составляющих: *у кого — когда — где.*

Детерминантные группы в составе номинативных расчлененных предложений тоже черта идиостиля В. П. Астафьева: «А в палате-то у нас *перемена!*» (с. 310); «Сейчас, между прочим, у всех *нервы!*» (с. 326); «на душе у меня *праздник*» (с. 335).

Как правило, номинативные предложения в лаконичной форме выражают аксиологические и модально-эмоциональные смыслы уверенности, недоумения, удивления, восхищения, неуверенности, гнева и другие, сообщая художественному тексту повести визуальность и изобразительность, красочность и динамичность.

В тексте повести «Звездопад» Астафьев создает только один контекст с использованием генитивных односоставных субстантивных предложений: «Родится малый — ему *ни побрякушек, ни игрушек*, а сразу гармонь в руки» (с. 306). Показательно, что это генитивные отрицательные предложения, образуемые независимой формой родительного падежа имени существительного в сочетании с отрицательной частицей *ни*. Отрицается бытие предметов и подчеркивается эмоциональный оттенок неодобрения.

В одном контексте повести могут оказаться разнотипные односоставные неглагольные предложения, например эмоционально окрашенное распространённое нерасчленённое номинативное и повествовательное связочно-именное безличное: «Какая хорошая *ночь!* А на душе *горько*, так *горько*, ну просто *невозмогу*» (с. 347). Такое соседство конструкций подчеркивает силу и печаль, и радости, и личных чувств молодых людей, в жизнь которых безжалостно ворвалась война, акцентирует грусть, лиричность и пронзительность повествования, приглашающего к размышлениям.

Заключение

Исследование функционирования неглагольных предложений в повести В. П. Астафьева «Звездопад» позволило выявить наиболее продуктивные виды двусоставных и односоставных предложений, используемых автором, и определить, какие функции они выполняют в тексте. Неглагольность как синтаксическая особенность этих предложений способствует отражению в них логических пропозиций, ментальных операций, выполняемых говорящим.

Двусоставные и односоставные неглагольные предложения используются В. П. Астафьевым в разных функциях: при описании внешности персонажа и окружающей его обстановки, самохарактеризации главного героя, выражении отношений между персонажами, передаче аксиологического и модально-эмоционального содержания. Каждая из этих функций способствует созданию в тексте повести «Звездопад» атмосферы добра и ностальгической нежности, реализует художественный замысел писателя — рассказать о первой любви, родившейся в невыносимых условиях войны, в голоде и холоде, в боли

и страданиях. В. П. Астафьев заканчивает повесть важной для выражения основной идеи произведения фразой: «Но ведь тому, кто любил и был любим, счастьем есть сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже о тебе думающий... Нет-нет, счастье не бывает горьким — неправда это! Горьким бывает только несчастье» (с. 372). Несмотря на все перенесенные Мишей Ерофеевым трудности, общий фон повествования остается светлым, жизнеутверждающим.

Список источников

1. Лекант, П. А. (2002). О коннотативных смыслах высказывания. *Очерки по грамматике русского языка* (с. 94–102). Издательство Московского государственного областного университета.
2. Герасименко, Н. А. (2012). *Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование*. Монография. Издательство Московского государственного областного университета.
3. Норман, Б. Ю. (2020). Эмоциональные смыслы синтаксических моделей. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, (5), 74–82.
4. Панкрац, Ю. Г. (1992). Пропозициональная форма представления знаний. *Язык и структуры представления знаний*. Сборник научно-аналитических обзоров. Институт научной информации по общественным наукам РАН.
5. Geach, P. Th. (1968). *Reference and generality: an examination of some medieval and modern theories*. Cornell University Press.
6. Шахматов, А. А. (2001). *Синтаксис русского языка*. Эдиториал УРСС.
7. Лекант, П. А. (1974). *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*. Учебное пособие. Высшая школа.
8. Герасименко, Н. А. (2022). Структурно-семантические особенности русских двусоставных неглагольных предложений. *Обучение иностранным языкам в условиях ограниченной языковой среды* (с. 107–112). Сборник статей. РГУ им. А. Н. Косыгина.
9. Герасименко, Н. А. (2024). Неглагольная предикация в двусоставном предложении художественного текста. *Номинация и предикация в современном русском языке* (с. 136–146). Коллективная монография. Т. Е. Шаповалова (Отв. ред.). Государственный университет просвещения.
10. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., & Сидорова, М. Ю. (1998). *Коммуникативная грамматика русского языка*. Г. А. Золотова (Ред.). Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
11. Лекант, П. А. (2017). *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Учебное пособие. 2-е изд. Издательство Московского государственного областного университета.
12. Шаповалова, Т. Е. (2022). Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, (3), 68–76.
13. Шаповалова, Т. Е. (2020). *Темпоральная семантика поэтического высказывания*. Монография. Издательство Московского государственного областного университета. (Электрон. опт. диск (CD-ROM)).

14. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Языки русской культуры.
15. Валгина, Н. С. (2003). *Современный русский язык: синтаксис*. Учебник. 4-е изд., испр. Высшая школа.

Библиографический список

1. Астафьев, В. П. (1975). *Где-то гремит война*. Повести и рассказы. Современник.

References

1. Lekant, P. A. (2002). On the connotative meanings of the statement. *Essays on the grammar of the Russian language* (p. 94–102). Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. (In Russ.).
2. Gerasimenko, N. A. (2012). *Bisubstantive sentences in the Russian language: structure, semantics, functioning*. Monograph. Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. (In Russ.).
3. Norman, B. Yu. (2020). Emotional meanings of syntactic models. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series «Russian Philology»*, (5), 74–82. (In Russ.).
4. Pankráts, Y. G. (1992). Propositional form of knowledge representation. *Language and structures of knowledge representation*. Collection of scientific analytical reviews. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
5. Geach, P. Th. (1968). *Reference and generality: an examination of some medieval and modern theories*. Cornell University Press.
6. Shachmatov, A. A. (2001). *Syntax of the Russian language*. URSS Editorial. (In Russ.).
7. Lekant, P. A. (1974). *Syntax of a simple sentence in the modern Russian language*. A textbook. Higher school. (In Russ.).
8. Gerasimenko, N. A. (2022). Structural and semantic features of Russian two-component non-verbal sentences. *Teaching foreign languages in a limited language environment* (c. 107–112). Collection of articles. RGU im. A. N. Kosy'gina. (In Russ.).
9. Gerasimenko, N. A. (2024). Non-verbal predication in a two-part sentence of a literary text. *Nomination and predication in the modern Russian language* (p. 136–146). A collective monograph. T. E. Shapovalova (Guest ed.). Federal State University of Education. (In Russ.).
10. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Yu. (1998). *Communicative grammar of the Russian language*. G. A. Zolotova (Ed.). Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
11. Lekant, P. A. (2017). *Types and forms of the predicate in the modern Russian language*. A Textbook. 2nd ed. Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. (In Russ.).
12. Shapovalova, T. E. (2022). One-part verbal sentences in the cycle of essays by Vasily Peskov «The Land Beyond the Ocean». *Bulletin of Moscow State Regional University. Series «Russian Philology»*, (3), 68–76. (In Russ.).
13. Shapovalova, T. E. (2020). *Temporal semantics of poetic statement*. Monograph. Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. (Electronic Optical Disc (CD-ROM)). (In Russ.).
14. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the world of man*. Yazy'ki russkoj kul'tury'. (In Russ.).

15. Valgina, N. S. (2003). *Modern Russian language: Syntax*. Textbook. 4th ed., reviz. Vy'sshaya shkola. (In Russ.).

Bibliography

1. Astafiev, V. P. (1975). *Somewhere the war is thundering*. Novels and stories. Sovremennik. (In Russ.).

Информация об авторах

Наталья Аркадьевна Герасименко — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО.

Татьяна Егоровна Шаповалова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО.

Information about the authors

Natalya A. Gerasimenko — Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE.

Tatiana E. Shapovalova — Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department, Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.